

Продолжаем обсуждение педпрактики...

ТВОЕ СТАНОВЛЕНИЕ УЧИТЕЛЕМ

ЧАРУЮЩИЕ звуки вальса Прокофьева... Четыре десятка ребячьих сердец, замерших от этих звуков... Тоненькая фигурка студентки у окна ласковой комнаты... Тихий, проникновенно душевный голос, поестующий о Наташе Ростовской, первые попавшей на светский бал.

Такова далеко не полная внешняя характеристика класса, в котором мне пришлось присутствовать на уроке.

«Хозяйка класса — Нина Козова, студентка IV курса языка. Она дает урок литературы в 10 классе 117 школы. На фоне музыки удивительно резко воспринимается вся сложная гамма чувств Наташки: восторг и ожидание, легкая боязнь непосредственности, трепет и ее бесшабашный порыв неведомое. Это потому, что она отказалась от трафаретно-раскрытия и высквиния пр характера героев. Она дает ащимся почувствовать, восинять «жизнь сердца» толковских героев.

После этого начинается неизбежная беседа - диспут, е царит дух соревнования и иений дух своего юношеского денция мира. Каждому хочется не только высказаться, но и стоять свою точку зрения. И ропо, когда ребята спорят, казывают, убеждают.

Мне хочется подчеркнуть другую сторону этого урока — эмоциональную зарядку ребячьих сердец. Литература и музыка —

два вида искусств, одинаково порождают богатейшие эмоции. И хорошо, когда литератор обращается к музыке.

Или вот еще пример. 123 школа. В 8 классе идет урок английского языка. Ведет его Зина Киреева, студентка IV курса языка. Хорошая языковая подготовка помогает студентке свободно вести урок на английском языке. Умение работать со всеми и каждым, стремление использовать новый прием в обучении — вот что отличает ее стиль работы на уроке.

У Зины есть и еще не менее важная своя «изюминка» — это педагогическое перевоплощение, умение целиком отдаться делу, захватив этим детей...

А входит она в класс внешне ничем не приметная. Но первые две минуты прошли, и Зина, как маленькая добрая фея, преобразившись, захватывает ребят интересной работой. И в эти минуты она становится милее и симпатичней. Это потому, что Зина в этот момент живет внутренним интересом, большой любовью к своему делу.

Самостоятельно, с глаз на глаз с учениками, проводила уроки Рая Терещук, студентка математического факультета.

Давая тщательно продуманные задания по тригонометрии, она требует от ребят точных и обоснованных ответов...

Кончилась практика у студентов-выпускников. Много педагогических раздумий порождает она. Раздумий о том, как подготовлены, воспитаны и развиты, насколько эрудированы наши студенты.

Прошедшие итоговые конференции по педпрактике говорят о том, что большинство студентов выросло, повзрело. Они умеют трезво оценить свою работу, сказать о недостатках, предложить что-то ценное.

Очень хорошо, что многие наши студенты поняли главное: нельзя приходить в школу «серым» и скучным. Быть духовно интересным человеком, знать много и многое уметь — это важно для учителя современной школы.

Но, к сожалению, далеко не все студенты бывают интересными для учащихся. Если говорить принятым термином, у наших студентов есть много существенных недостатков. У некоторых из них уроки до примитива однообразны, строятся только на знании материала учебников.

Плохо продумывается разнообразие приемов обучения, коекто не может отобрать наиболее эффективные из них.

Очень большие затруднения испытывают студенты при проведении воспитательной работы с классом. По вопросам воспитательной работы они мало читают специальной литературы, редко посещают кружки, конференции, литературно-музыкальные лектории, диспуты, проводящиеся в плане института.

Быть учителем трудно и интересно. Трудно еще и потому, что постоянно приходится искать, пробовать, отвергать ранее найденное. Так разрешите, уважаемые выпускники, пожелать вам добрых начал на тернистом пути педагогического поприща. А. ДЕРЯБИНА, зав. педпрактикой.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Малыш

ОРГАН ПАРТКОМА, РЕКТОРАТА, КОМИТЕТА ВЛКСМ, МЕСТКОМА И ПРОФКОМА ОРГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

Год издания 1-й № 37

Вторник, 7 декабря 1965 года.

Цена 1 коп.

Поиски, находки, дерзания

ЗАКАНЧИВАЮ педагогическую практику, невольно обращаясь к ее началу. Вспоминаю, как робко мы (студенты и методист) зашли в святая святых школы — в учительскую. С тех пор волнение, сомнение, радость творчества, горечь неудач не покидали нас. Приходит на память шутливый вопрос детской песенки: «Из чего сделаны мальчики? Из чего сделаны девочки?» А из чего сделаны студенты-практиканты? Из волнения и страха, из бессонных ночей, из слез радости и горя, из незнания и знания, из ошибок и взлетов.

Вначале грозной, неукротимой силой нам казались неведомые и незнаемые школьники. Затем священный трепет вызвали не до конца познанные (по разным причинам) классики. И, наконец, новоявленные классные руководители (в душе и в мыслях студенты) испытывали благоговейный страх перед всемогущей и всекарающей кафедрой педагогики.

Как видите, практика для студентов — это своеобразный экзамен на прочность. На прочность знаний и умений, на прочность человеческих отношений. И, надо сказать, что студенты, прошедшие практику в 64-й школе, выдержали этот экзамен!

Было у них главное — профессионально-ответственное отношение к делу, доброжелательное отношение друг к другу и самокритичное к себе... Студенты упорно искоряли «пространство» классной комнаты и «время» урока! Творческая энергия И. Моисеевой (уроки в 9 классе) и Т. Долгих (в 10 классе) разбивалась о равнодушие, холод, инертность учащихся.

Но лед постепенно таял, наступала оттепель, которая, правда, порой была обманчива, ненадежна, но многообещающая.

Интересными и богатыми были уроки И. Федоровой. Но вначале она не могла увидеть внутреннего лица класса и чувствовала себя на уроке инородным телом. Постепенно она делала психологические открытия и в конце концов полюбила своих сложно-разнообразных, но интересных десятиклассников.

Много доброго можно сказать

о Т. Коробовой и Н. Малахеевич, умеющим «властвовать собой», об увлекающихся Л. Ивановой и Н. Канунниковой, о серьезных «паникешах» Р. Войтенко и Г. Кривовой, о нашем всеми признанном полемисте Гале Думе.

Об А. Пархоменко можно сказать, что у нее есть уже свой творческий путь методического совершенствования...

Учитель 64-й, требовательные и доброжелательные, терпимые и терпеливые, приняли студентов в свой коллектив, и много хороших теплых слов было сказано на заключительной конференции.

Но будем справедливы. Не все у нас ладилось: не хватало знаний (писали на доске «сумасшедствие»), не хватало слов (говорили: «от героя остались одни иллюзии»), мешало далеко не вдохновляющее волнение (отпускали учащихся до звонка), собственная несобранность (готовились в ночь перед уроком), неумение работать (тондули в использованной литературе), изыгали собственного характера (сбегали с обсуждения), «грехи» студенческого легкомыслия.

Не будем преувеличивать эти пороки. Они ведь рассредоточены (группа состоит из 11 человек). Главное — студенты умеют видеть себя со стороны, умеют видеть своими собственными судьями!

И хочется еще раз пожелать

им быть всегда в пути поисков, не удовлетворяясь достигнутым, но и не терять веры в себя!

Л. БОГОМЛОВА,
методист кафедры литературы.

А как вы считаете?

В минувшую среду Дворец культуры нефтяников стал своеобразным магнитом для всего коллектива нашего института. Там на очередном КВЭ состоялась эрудитов института железнодорожного транспорта и педагогического. И, наверное, можно без преувеличения сказать, что соревновались не только счастливики, получившие пригласительный билет на вечер, но и те, кто остался дома: ход состязания эрудитов веселых и находчивых транслировался по телевизору.

Результаты этой встречи, очевидно, известны всем в институте. Они вызвали самые горячие и... довольно противоречивые суждения. В редакцию уже поступили некоторые из них в письменном виде. В следующем номере они будут опубликованы.

В свою очередь, редакция газеты «Молодость» приглашает принять участие в обсуждении прошедшего вечера клуба КВЭ участников команды эрудитов, болельщиков и телезрителей. Отзвывы в письменном виде приносить в комнату № 74.

Прием в ряды Ленинского комсомола — событие большой важности для юношей и девушек нашей страны, Комсомольские билеты они получают в торжественной обстановке. Перед вручением выступают старые коммунисты.

НА СНИМКЕ: торжественное вручение комсомольских билетов в Центральном музее Владимира Ильича Ленина в Москве. Фото П. Туранова.

ВО ВСЕГ ГОЛОС И...

НА ТАКИХ конференциях лучше сидеть не впереди, где чинно и холодно; не сзади, где сумно и мертво, а в «золотой середине». Там всегда услышишь живую реакцию на выступление докладчика, не сконванную оглядкой на преподавателя, мягкое веселое слово, выскажешь свое собственное суждение. Услышишь, если прислушаешься; оно негромкое, сказанное шепотом...

Так и в 12 аудитории, где проходила конференция по педпрактике студентов четвертого курса филологического факультета, не было монологов и смиренно внимающих им слушателей. А был диалог, один из участников которого не слышал своего собеседника, другой же не хотел быть услышанным.

А жаль, так как кое-что из сказанного полуслышным интересно для всех. Прислушаемся, однако.

Правый ряд, середина... Первое слово, по традиции, принадлежало декану факультета Э. Г. Шку.

Практика показала, что студенты достаточно подготовлены к преподавательской работе. Творчество и настоящую остроту проявили многие из них, давая уроки литературы. Слабее давали уроки русского языка. Затруднялись в проведении воспитательной работы. Очевидно, еще потому, что сказались недооценка литературы по воспитательной работе, несерьезно подготовились к этим вопросам...

Реплика: — Как будто по книжке можно воспитывать...

Некоторые студенты (Лазарева и Н. Чутунчикова) имеют слабые знания и по литературе. Методисты отметили, что кое-кто из студентов плохо знает даже школьный курс русского языка. Но, с другой стороны, в ответах студентов есть упреки в адрес института и конкретные предложения.

Реплика: — Из года в год говорим од-

ШЕПОТОМ

но и то же, а что толку? — Студенты пишут, что они не имеют эстетической подготовки. Им не читали эстетику...

Реплика: — Даже в эстетической школе преподают эстетику...

— Но надо сказать, что наши студенты используют не все возможности для расширения своего кругозора. А у нас есть университет культуры...

Реплика: — А что этот университет? Кто пойдет, а кто нет. Нужны знания по истории искусств...

Затем говорила З. Ф. Ульяновская. О слабых знаниях студентов по русскому языку, о том, что они не умеют выразительно читать...

На это тоже последовала реплика: — Разучились. Выразительное чтение было только на первом курсе...

— Мне кажется, — добавила Зинаида Филимоновна, — что самое разумное было бы сохранить для практикантов четвертого курса ту же школу, тот же класс, в которых они проходили практику на третьем курсе.

После этого наступило некоторое традиционное молчание. И только по вызову декана Казанцева рассказало о педпрактике в 60-й школе...

...Громовой голос Чутунчикова всколыхнул было немножко задремавшую аудиторию. Ему было о чем рассказать: он практиковался в школе Муромцевского района...

О некоторых лучших уроках практикантов рассказала зав. педпрактикой А. М. Дерябина. (Н. Козарева, Федоровой и т. д.)

Много было сказано с трибуны. А сколько осталось невысказанным или сказанным только шепотом, репликой. И так будет долго. До тех пор, пока середина правого, левого и среднего ряда, так называемая масса слушателей, не скажет вслух того, что говорилось полуслышным. А надо бы! Давно!

С. КАРНАУХОВА.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Девочка писала стихи

Девочка писала стихи. В ее белокурой головке то и дело возникали, оживая и треща, строчки, рифмы. Она очень любила ходить пешком. Только, чтобы молчать. Молчать и смотреть, вдыхать полной грудью воздух. Свежий и чистый, напоенный после дождя влагой; тугой, давящий перед грозой; звенящий, с запахом осенних арбузов, зимний воздух.

Она писала о том, что ей было дорого, что она любила... А любила она многое; старый сад за школой. Там она знала каждую яблоньку, каждый куст сирени. Любила густую тенную рошу, окружавшую их село, цветы.

Она не любила бумажных цветов, не верила в них, жалела их. Ведь они мертвые, им недоступна радость жизни и расцвет.

Шли годы. Девочка росла. Она приехала учиться в шумный многоликий город. И снова пыталась писать. Но радости эти стихи ей не приносили: она не понимала и не знала город.

Однажды, устав искать, девочка пришла в редакцию городской газеты. Она робко переступила порог. Что ждало ее здесь? Разочарование или счастье?

Пожилая женщина почти не смотрела на нее. Мало ли таких приходит к ней! Разве всем толкуешь, что не место им здесь? Вот и эта еще! Цыганка такая, а туда же!

— Голубушка, — монотонно, привычно говорит женщина, — вы попробуйте свои силы в более легком жанре — этюде, зарисовочке.

Говорит и думает, что опять сегодня придется долго читать вечернюю почту, а молочный магазин наверняка закроют, и опять некогда будет отнестись в починку туфли. Она чувствовала, что девочка понимает, что вообще-то нельзя думать сейчас о молоке и набойках. Но женщина легко оправдывала себя: ведь таких девочек приходит десятки, а туфли все же надо чинить. Девочки придут да уйдут, а мне... Она вяло обратилась к девочке:

— Вы, пожалуй, оставьте свои стихи. Я посмотрю еще раз и при случае покажу главному редактору.

Она никому бы не сказала, что у нее целые папки неопубликованных собраний, и, улыбаясь, показала редактору стихов. Да и не только стихов.

Девочка молча встала, быстро, не глядя, собрала листочки со стихами и почти бегом направилась к двери.

Она писала о том, что ей было дорого, что она любила... А любила она многое; старый сад за школой. Там она знала каждую яблоньку, каждый куст сирени. Любила густую тенную рошу, окружавшую их село, цветы.

Она не любила бумажных цветов, не верила в них, жалела их. Ведь они мертвые, им недоступна радость жизни и расцвет.

Шли годы. Девочка росла. Она приехала учиться в шумный многоликий город. И снова пыталась писать. Но радости эти стихи ей не приносили: она не понимала и не знала город.

Однажды, устав искать, девочка пришла в редакцию городской газеты. Она робко переступила порог. Что ждало ее здесь? Разочарование или счастье?

Пожилая женщина почти не смотрела на нее. Мало ли таких приходит к ней! Разве всем толкуешь, что не место им здесь? Вот и эта еще! Цыганка такая, а туда же!

— Голубушка, — монотонно, привычно говорит женщина, — вы попробуйте свои силы в более легком жанре — этюде, зарисовочке.

Говорит и думает, что опять сегодня придется долго читать вечернюю почту, а молочный магазин наверняка закроют, и опять некогда будет отнестись в починку туфли. Она чувствовала, что девочка понимает, что вообще-то нельзя думать сейчас о молоке и набойках. Но женщина легко оправдывала себя: ведь таких девочек приходит десятки, а туфли все же надо чинить. Девочки придут да уйдут, а мне... Она вяло обратилась к девочке:

— Вы, пожалуй, оставьте свои стихи. Я посмотрю еще раз и при случае покажу главному редактору.

Она никому бы не сказала, что у нее целые папки неопубликованных собраний, и, улыбаясь, показала редактору стихов. Да и не только стихов.

Она писала о том, что ей было дорого, что она любила... А любила она многое; старый сад за школой. Там она знала каждую яблоньку, каждый куст сирени. Любила густую тенную рошу, окружавшую их село, цветы.

Она не любила бумажных цветов, не верила в них, жалела их. Ведь они мертвые, им недоступна радость жизни и расцвет.

Шли годы. Девочка росла. Она приехала учиться в шумный многоликий город. И снова пыталась писать. Но радости эти стихи ей не приносили: она не понимала и не знала город.

Однажды, устав искать, девочка пришла в редакцию городской газеты. Она робко переступила порог. Что ждало ее здесь? Разочарование или счастье?

Пожилая женщина почти не смотрела на нее. Мало ли таких приходит к ней! Разве всем толкуешь, что не место им здесь? Вот и эта еще! Цыганка такая, а туда же!

— Голубушка, — монотонно, привычно говорит женщина, — вы попробуйте свои силы в более легком жанре — этюде, зарисовочке.

Говорит и думает, что опять сегодня придется долго читать вечернюю почту, а молочный магазин наверняка закроют, и опять некогда будет отнестись в починку туфли. Она чувствовала, что девочка понимает, что вообще-то нельзя думать сейчас о молоке и набойках. Но женщина легко оправдывала себя: ведь таких девочек приходит десятки, а туфли все же надо чинить. Девочки придут да уйдут, а мне... Она вяло обратилась к девочке:

— Вы, пожалуй, оставьте свои стихи. Я посмотрю еще раз и при случае покажу главному редактору.

Она никому бы не сказала, что у нее целые папки неопубликованных собраний, и, улыбаясь, показала редактору стихов. Да и не только стихов.

Она не любила бумажных цветов, не верила в них, жалела их. Ведь они мертвые, им недоступна радость жизни и расцвет.

Шли годы. Девочка росла. Она приехала учиться в шумный многоликий город. И снова пыталась писать. Но радости эти стихи ей не приносили: она не понимала и не знала город.

Однажды, устав искать, девочка пришла в редакцию городской газеты. Она робко переступила порог. Что ждало ее здесь? Разочарование или счастье?

Пожилая женщина почти не смотрела на нее. Мало ли таких приходит к ней! Разве всем толкуешь, что не место им здесь? Вот и эта еще! Цыганка такая, а туда же!

— Голубушка, — монотонно, привычно говорит женщина, — вы попробуйте свои силы в более легком жанре — этюде, зарисовочке.

Говорит и думает, что опять сегодня придется долго читать вечернюю почту, а молочный магазин наверняка закроют, и опять некогда будет отнестись в починку туфли. Она чувствовала, что девочка понимает, что вообще-то нельзя думать сейчас о молоке и набойках. Но женщина легко оправдывала себя: ведь таких девочек приходит десятки, а туфли все же надо чинить. Девочки придут да уйдут, а мне... Она вяло обратилась к девочке:

— Вы, пожалуй, оставьте свои стихи. Я посмотрю еще раз и при случае покажу главному редактору.

Она никому бы не сказала, что у нее целые папки неопубликованных собраний, и, улыбаясь, показала редактору стихов. Да и не только стихов.

Она не любила бумажных цветов, не верила в них, жалела их. Ведь они мертвые, им недоступна радость жизни и расцвет.

Шли годы. Девочка росла. Она приехала учиться в шумный многоликий город. И снова пыталась писать. Но радости эти стихи ей не приносили: она не понимала и не знала город.

Однажды, устав искать, девочка пришла в редакцию городской газеты. Она робко переступила порог. Что ждало ее здесь? Разочарование или счастье?

Пожилая женщина почти не смотрела на нее. Мало ли таких приходит к ней! Разве всем толкуешь, что не место им здесь? Вот и эта еще! Цыганка такая, а туда же!

— Голубушка, — монотонно, привычно говорит женщина, — вы попробуйте свои силы в более легком жанре — этюде, зарисовочке.

Говорит и думает, что опять сегодня придется долго читать вечернюю почту, а молочный магазин наверняка закроют, и опять некогда будет отнестись в починку туфли. Она чувствовала, что девочка понимает, что вообще-то нельзя думать сейчас о молоке и набойках. Но женщина легко оправдывала себя: ведь таких девочек приходит десятки, а туфли все же надо чинить. Девочки придут да уйдут, а мне... Она вяло обратилась к девочке:

(Продолжение. Нач. в № 36).

С высоты Дворца осматриваем город. Варшава, как на ладони.

Недалеко от Варшавы Желязова Воля — родина Фредерика Шопена. В доме, где родился композитор, музей. Усадьба и парк полностью сохранены. Здесь мы проводим половину следующего дня. Вечером в театре смотрим оперетту Целлера «Продавец птиц». Последний вечер в Варшаве проводим у обелиска Сирены.

Сирена (русалка) — герб Варшавы.

Некоторые из нас прощаются с Варшавой по-своему: поздним вечером купаются в Висле.

Утром выезжаем в Краков. Это город памятников старины. Центр его окружает кольцо бульваров. Радиально расположенные средневековые улицы многолюдны. Здесь много магазинов. Улицы ведут к широкой площади, которая называется Рынок. На площади на-

ТУРНЕ ОМИЧЕЙ В ПОЛЬШУ

Ходит старинное здание торговых рядов «Суконница» и Марианский костел. По преданию во времена татарского нашествия с башни этого костела стража играла на горне предупреждая о приближении врага. Однажды вражеская стрела попала в стражника, и мелодия оборвалась. В память об этом каждый час из окон башни, открытых на Север, Юг, Запад и Восток, горнист исполняет взволнованную мелодию, обрывая ее на высокой ноте.

Почти целый квартал в городе занимает Краковский университет (основан в XIV в.). Здесь учился Коперник. По традиции начало учебного года в университете отмечается торжественным собранием. Проректора приходят на собрание в старинных мантиях.

На берегу Вислы замок Вавель — бывшая резиденция польских королей. В подземельях его кафедрального собора похоронены Тадеуш Костюшко, Адам Мицкевич и Юлиуш Словацкий. В 1912 г., чтобы быть ближе к родине, из Парижа в Краков приехал В. И. Ленин. Он жил в домах №№ 49 и 51 по улице Фрица Моджевского. В. И. Ленин посещал библиотеку университета.

Последние дни и часы в Польше мы проводим в Катовицах и Вроцлаве. На пути в Катовицы посещаем Освенцим. Всех туристов охватывает глубокое волнение. Экспонаты музея Освенцима убедительнее книг рассказывают о зверствах фашистов. Но здесь есть экспонат, символизирующий возмездие. Это виселица, на которой был повешен привезенный командант лагеря Рудольф Гесс.

Катовицы и пять прилегающих к нему городов образуют Катовицкое воеводство (3 млн. жителей). На него приходится 30 процентов добычи угля в Польше, 85 процентов выплавки черных металлов, почти вся

выплавка цинка и свинца. Города воеводства расположены около шахт.

Вроцлав — красивый промышленный город Силезии. Здесь много исторических памятников XIII—XV вв.

В народной Польше открыт широкий доступ к просвещению. В стране более 100 тысяч студентов и более 9 миллионов учащихся в школах. Вместе со школьниками и студентами учатся взрослые. В ознаменование приближающегося тысячелетия существования Польского государства в стране строятся 1000 школ.

Наше путешествие по Польше подходит к концу. На польско-чехословацкой границе мы прощаемся с нашим гидом — панни Анной. Старший группы К. И. Клямов вручает гиду подарки.

Через несколько минут мы пересекаем чехословацкую границу.

С. ЖУРАВЛЕВ.

(Продолжение в следующем номере).

Л. ГОРЧАКОВА.

* * *

В витринах серых ленинградских улиц

горели пятнами большие

Большие, рыжие.

Лежали и манили

купить и съесть.

Их покупали, ели.

Держал такой же апельсин

какое солнце.

И грел его,

руками грел своими.

Я думала —

— как это интересно

руками согреть большое

солнце.

(ФЕЛЬЕТОН)

В настоящее время медицина достигла таких вершин, что любые болезни стали излечимы. Но если болезнь запущена, то она нередко приводит человека к инвалидности.

Об одной из опаснейших болезней я и хочу рассказать читателю. Дать советы, как уберечь себя от этого заболевания и какие новейшие препараты применяются нашей медициной при лечении этого заболевания.

Как ни странно, эта болезнь распространяется только лишь в студенческой среде. Называется она «пропулекционет», что означает в переводе на обычный язык — пропуск лекций по неуважительным причинам.

Этой болезнью могут заболеть как старшекурники, так и первокурсники. Но массовые заболевания наблюдаются чаще всего в конце первого и в начале второго курса.

Какие же признаки болезни? Больной становится невнимательным, рассеянным, прекращает вести конспекты, зевает на лекциях, не стеснялся окружающих. Даже может заснуть.

Но в большинстве случаев признаки этой болезни проявляются совершенно в другом направлении. Больной почему-то вертится во время занятий, как на иголках, шущукается с соседом и даже воплолоса хихикает, разбирая сплетни.

При обострении больной реже

ЗАРАЗНАЯ БОЛЕЗНЬ

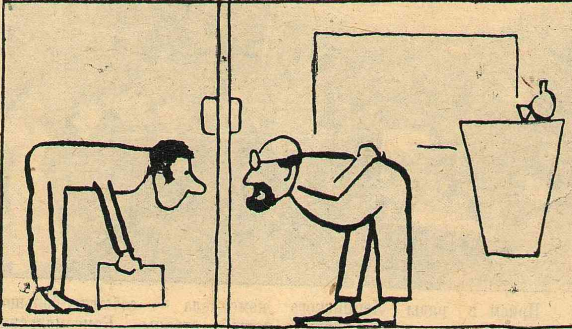
посещает лекции. Затем, в конце-концов, он переходит на «потельный режим». Что характерно на этой стадии? Больной становится почти глухим: он не слышит звенящего над ухом будильника.

Как же предупредить себя от этого заболевания? Вот некоторые советы. Во-первых, не забывать о том, зачем поступил в институт. Во-вторых, помнить, что все, о чем услышишь на лекции, придется в жизни. В-третьих, держаться подальше от больных. В-четвертых, запомнить такую истину: любая, даже скучная лекция даст вам не меньше пользы, чем прочитан-

ная от корочки до корочки «лига за ночь перед экзаменами».

Если вы учтете эти советы, то есть гарантия, что вы не заразитесь, и значит успешно окончите институт.

Имеются несколько препаратов, которые применяются для излечения этой болезни. «Деканатус», «стипендиус», применяемые в крайних случаях, т. е. дают осложнение на слабые желудки; «взговорус» применяется в начальной стадии болезни; «фотографир» эффективен только для слабосердечных, поэтому почти не применяется; «комсобрание» дает такие же результаты, как и «деканатус».

ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА. Студент: Пустит — не пустит! Преподаватель: Войдет — не войдет!

О. МИРОШНИКОВА.

Может, это устарело — поезд,

Может, вправду лучше — самолет?

Выпустить глаза в орлиный

В голубой, заоблачный полет,

Чтобы сердце распахнулось

Чтоб горстями людям —

Чтобы песни петь, когда поется,

Чтобы знать,

как пахнет высота

Без слов.

Рис. А. Савкча.

Редактор В. САМОСУДОВ.